Александр Приб

Германороссы. Немецкие колонисты России

Генезис

В 18-19 веках в процессе колонизации южных окраин Российской империи крестьянами германских княжеств в их сознание, наряду с сохранением прежних черт мощного германского менталитета, внедряются дополнительные качества, без которых существовать и выживать в тех условиях было бы слишком проблематично, а, практически, невозможно. Это были во благо приобретенные немцами новые характеристики славяно-русской цивилизации, благодаря которым за истекшие два столетия пребывания немцев в России сформировался новые тип человека – носителя сути двух народов, двух культур, двух цивилизаций, а именно, германской и славянской. Своим историческим подвигом немецкие крестьяне по существу в собственном лице вернули два разделенных историческими катаклизмами народа в прежнее гиперборейское ложе, в лоно единой европейской цивилизации.

В предлагаемом читателю сборнике, автор делает попытку в поэтической форме проследить за генезисом нового человека - германоросса - представляющего в себе сплав двух культур: германской и славянской, способного стать недостающим звеном для установления на Евроазиатском континенте единого геополитического пространства - опоры для новой социальной конструкции будущего, строящегося на фундаменте соучастия, сопереживания и справедливости.

С помощью описания событий с разных сторон, множества точек зрения, автор постепенно развивает сюжет, что в свою очередь увлекает читателя не позволяя скучать. Встречающиеся истории, аргументы и факты достаточно убедительны, а рассуждения вынуждают задуматься и увлекают. Основное внимание уделено сложности во взаимоотношениях, но легкая ирония, сглаживает острые углы и снимает напряженность с читателя. Данная история - это своеобразная загадка, поставленная читателю, и обычной логикой ее не разгадать, до самой последней страницы. Яркие пейзажи, необъятные горизонты и насыщенные цвета - все это усиливает глубину восприятия и будоражит воображение. Созданные образы открывают целые вселенные невероятно сложные, внутри которых свои законы, идеалы, трагедии. Благодаря уму, харизме, остроумию и благородности, моментально ощущаешь симпатию к главному герою - немецкому колонисту России. Обращает на себя внимание то, насколько текст легко рифмуется с современностью и не имеет оттенков прошлого или будущего, ведь он актуален

во все времена. Чувствуется определенная особенность, попытка выйти за рамки основной идеи и внести ту неповторимость, благодаря которой появляется желание вернуться к прочитанному. "Германороссы. Немецкие колонисты России" читать можно с восхищением, можно с негодованием, но невозможно с равнодушием.

Уходят обозы...

Уходят обозы в волшебные дали,
В обозах крестьяне германских земель.
В заплечных котомках Святые Скрижали
Ведет колонистов Юлиус Лель.

Их манит восход чарующей силой,
Влечет, невзирая на трудность пути.
Прощание нежное с Родиной милой
Сменилось надеждой. Ах, Боже, спаси!

Прости отчий дом и Рейн тихоструйный!
Придется ль вернуться к порогам твоим?...
Прости Лорелея, мы голос твой чудный
Запомним навеки, в сердцах сохраним!

Уходят обозы, в обозах дитятки,
Взрослые рядом пешочком идут.
Плуг из железа, стальные насадки,
Пилу и топор на телегах везут.

Русь впереди, о ней каждый наслышан
Волга и Днепр, - заменят ли Рейн?
«Ох, развернемся, как землю получим» -
Думает Екхард и Реймер, и Фейн.

Долгих три месяца движется к цели
Колонна крестьян из германских земель,
Вот купола на церквях заблестели,

Звучит соловья трехэтажная трель.

Степи ковыльные, степи бескрайние
Стали пристанищем тех храбрецов,
Кого не страшили странствия дальние,
Кто верен остался духу отцов.

«Стой, распрягай, господа колонисты,
Пришли, Кристиан, начинаем дела -
Лель дал команду – Работаем быстро,
Строим землянки!» Работа пошла...

Славное бремя, бестрашное племя
Первопроходцев великих начал!
Жизнь их пришлась на трудное время -
Впервые здесь борозду плуг пропахал!

Не посрамили прирейнские бауры
Славных обычаев отчей земли,
В степях Поволжья, в Северной Таврии,
Словно грибы, поселенья росли.

Сила российская множилась, ширилась,
Степи ковыльные хлебом взошли,
Русский орел обрел южные крылья,
Надежные связи с Европой росли.

Переселенцы

Божию милостью, волею царской
Крестьяне Европы в Россию пришли,
Пришли не за мифом и не за сказкой,
А чтобы стать духом и смыслом земли.

***

Ковыльные степи Поволжья
Открыли объятья свои,
Обняли бескрайним привольем
Пришельцев немецкой крови.

На Волгу пришли хлеборобы,
С Прирейнских пришли берегов
Не милости ждать от природы,
Не райских обильных плодов.

Пришли, чтобы твердою дланью
Безбрежную степь обуздать,
Пришли, чтоб природы созданью
Божественный смысл придать.

***

И чудо свершилась, земля вдруг открылась
Доверием к нежной заботе людей,
Полями бескрайними злаков покрылась,
В объятья приняв германских гостей.

Колонии немцев духовной твердыней
Стали на юге имперских границ.
Запрет для кровавых набегов отныне!
Преградой врагу стал наш колонист.

Божию милостью, трудолюбием и любовью к ближнему...

Наследники великих поколений,
Вернувшиеся в отчий дом,
Наследники неслыханных творений,
Душевный пережившие излом,

О чем мечтаете и чем живете,

И с чем вы к старости идете?
Уютно ль вам в ваших жилищах,
Сладка ли жизнь, постель мягка ли,

Жалеете ль иных - ущербных, нищих,
Добро нести еще вы не устали?
И, как считаете, настало уже время
Снимать с плеча ответственности бремя?..

О, это бремя – груз святой – не в тягость,
Душу земли в душе крестьянской
Несли в Россию предки словно благость
В подарок трону и короне царской.

За ту заботу и свободу, что дала им Катерина
Взрасли колонии среди кустов цветущего жасмина.
Полита потом наших славных предков
Земля российская, раздвинуты пределы,

Привились немцы живородной веткой
На русском дереве, плодом созрели.
Не посрамили память матушки–царицы,
Вернув державе должное сторицей!

Святая миссия, что послана судьбой
Насыщенная высшим боголепием,
Благодаря труду и воле неземной
Исполнилась во всем великолепье.

И в этом жизни суть, ее посредство,
Что предки завещали нам в наследство.
В наследстве этом – милость Божья обитает,
В наследстве этом – труд за честь считают,

В наследстве этом – судьбы наши отражаются,
В наследстве этом – дела великие свершаются.
И нет для нас задачи благороднее и краше,
Как жить по заповедям предков наших.

Живем ли так, давайте спросим каждый
Себя. Других не надо, пусть ответят сами.
Или погрязли мы в грызне и дрязгах,
Других не знаем, сами, мол – с усами.

А может нам пора, уняв эго–гордыню,
Друг другу руку протянуть, прогнать унынье.
И каждая речушка, ключик или ручеек,
Что есть талантов наших порожденье,

Сольются вместе. В этом будет прок
И качественных смыслов возрожденье.
И вот тогда мы утверждать посмеем,
Что перед предками своими честь имеем.

Наследство – предков дар святой, бесценный,
Который нам дается от рождения по крови,
И промотать его – значит прожить бесцельно,
Вложить сей дар в потомков – в нашей воле.

Обязанность у нас такая, чтоб отцов заветы
Блюсти и бережно нести по жизни эстафету.
Жизнь в одиночестве влачить – участь худая,
Не мудрено и с курса сбиться, и закарулесить,

И, чтобы не постигла нас судьба лихая,
Объединим усилия, пойдем по жизни вместе.
Наследство требуется множить многократно,
А вместе мы мудрее, знать, богаче – это важно!

Немецкие дети войны

Кто-нибудь знает об этой судьбе?
Кто-нибудь знает о них в той войне?
Войне беспощадной, которую власть,
Чтоб насладиться местию всласть

Детям немецких семей объявила.
Живыми в могилу забвенья зарыла
Отцов, матерей у них Кремль забрал,
В шахту отправил, на лесоповал.

Кровь с молоком в материнских грудях
Слились во всепоглощающий страх.
Боженька милый, спаси, сохрани,
Над чадами малыми смерть разгони!

Милости просим, спаси их, Господь!
Нету ответа. Воды набрал в рот.
Милости просим, спаси их, Аллах!
Нету ответа, усилился страх.

Где ж им святую обитель искать,
Как им родимых деток спасать?
Милости просим, хлеба кусочек
Дай им, Господь, ведь они непорочны!

Нету ответа, черств был Господь -
Уши из воска, каменный рот.
Сколько поклонов ему не клади,
Нет состраданья, спасенья не жди...

Кремлевская ж власть, ухмыляяся хищно
Средь немцев новые жертвы все ищет,

Младенцев-сирот с бесовским стараньем
У мамок немецких берет на закланье.

Ребенка слеза для нее, что бальзам,
Зловещий был смысл предан слезам.
Дети войны, немецкие дети,
Те, что живыми остались в вертепе

Власти нещадной, где правили бесы,
Не знают слезы, отучены с детства.
Слезы в их душах правда сменила,
Она для них стала смысла мерилом.

Две войны на двоих

За что воюешь ты, солдат?
Зачем покинул отчий дом
И ниву хлебную, и сад,
Где след оставила любовь?

Щедра судьба на смерть и горе.
Две родины и на двоих
Нам две войны – несчастий вдвое.
Где счастья нет средь лет лихих.

Судьба невидимой рукою
Два сердца наших увлекла,
Спаяла накрепко любовью,
И за собою увлекла.

Куда, зачем, сказать ты можешь?
Я не могу, любви полна!
Зачем же душу мне тревожишь,
Накрывшей нежностью волна?

Погибнешь, вдруг, в бою последнем,
Куда мне деточек девать,
К кому бежать просить прощенья,
И кто теперь я - вражья мать?...

О, Боже, милосердный, правый,
Даруй мне силы выстоять
И победить в борьбе неравной,
И счастье наше выстрадать.

Немецкий колонист

Бежать устал судьбы беглец
От Страсти ненасытной,
Что селится, где нет сердец,
Где лишь оскал зияет хищный.

Бежит давно, душой устал
Сердечный приступ сводит скулы,
Давно он верить перестал
В мираж, в обманчивы посулы.

Ушло, рассеялось былиной
Все то, что было сердцевиной
Его нутра, духовной силы,
Что жизнь двигала лавиной

К победам, подвигам житейским.
Неуж-то жизнь была вся мнимой,
И предан он по-фарисейски
Фортуной глупой, едва зримой?

Что в памяти его осталось

От прежних лет, от прежних дней?
Совсем немножко, просто малость -
Отец согбенный, мать темней

Тяжелой тучи дожделивой
Касаясь лба ладонью нежной
Нутро его духовной силой
Питает, нежностью любовной.

Гуляет ветер в том жилище,
Где жить пришлось в недоуменье.
Пусть власть безумна, воздух чище
Был в тех чертогах без сомненья.

И оторопь он помнит тоже,
Когда подрос и вдруг спросил:
- Родная мама, а за что же
Нас боженька благословил?

Нас наградил страданьем, мукой,
Кусочкем хлеба на троих
За что, скажи? – Не будь докукой,
Ты мал еще читать сей стих.

Когда ты вырастешь большим
И станешь мудрости достойным
Поймешь тогда, что только с Ним
Остаться можно непреклонным.

А, кто Он есть мне, мать, скажи
И почему нам помогает,
И сколько нужно еще сил,
И мужества - Он знает?

- Он знает все, сынок любимый,
Твои страдания, мечты.
Он наш, Он свой, Он нам родимый
Он сам терпел, терпи и ты.

«Терпение» зовут Его,
Величественно это званье,
Превыше есть оно всего
На нем стоит миросозданье.

Терпи, зажав губу меж зуб,
Терпи, захлебываясь кровью,
И радуйся, когда с кровавых губ
Слетает слово званое Любовью!

Бежать устал, остановился
Беглец, судьбою обделенный,
И замер: «Может сон приснился,
Что был в земле я обедненный

Любовью власти и народа,
Которому служил безмерно.
Труды мои не дали всхода -
Неужто жизнь прожил неверно?

А, что ж мой предок – немец старый
Приехал зря в туземный край?
Плужком он взрезал пласт усталый,
И снял свой первый урожай,

За ним второй, а позже третий.
Трудами жизнь свою он метил,
Года считал по головам
Своих детей и по делам.

А дел сих праведных без меры
На новой родины алтарь
Он клал без корысти, он верил
В волшебный возвращенья дар.

Сторицей благое деянье
Вернется искренней душе
Вернется добрым воздаяньем
Ведь с милым рай и в шалаше.

Любовь к труду, любовь к семье
Ручьями вешними струилась.
Он мог отказывать себе,
Чтобы другим прекрасно жилось.

Служил он обществу, народу,
С каким судьба его свела,
Не знало поле недороду
И жизнь его семьи цвела.

Ведь много счастья не бывает
Особенно, когда трудом
И дом, и край твой процветает
Черпай его большим ведром.

И он черпал, чтобы опять
Рубаха солью пропиталась,
Старался он пораньше встать
Зерну помочь, чтоб прорастало.

И вот однажды день несчастья
Настал, все хмарою накрыл.
Ростки зерна, что от ненастья

Спасал, лелеял и растил,

Оскалом дьявола явились,
А зерна ядом источились,
И отравили сердце предка
И обломилась древа ветка.

Большого дерева страны.
Отторгла власть свое дитяти
Подвергшись зову сатаны.
Гвоздями ржавыми к распятью

Мазольны руки приковав,
Сказала власть – ты нам неравный,
Тем самым все права поправ,
Свой норов проявив коварный.

Живым в могилу был зарыт
Мой предок, что земли был солью
И в сердце ржавый гвоздь забит
За что? За то, что жил любовью?

Неужто это преступленье
Творить добро, кормить семью,
Чтобы сакральное творенье
За это превратить в свинью?

Устал беглец. Сел под навесом
Судьбы, чтоб завтра снова в путь.
Вон там за этим ближним лесом
Быть может статься отдохнуть.

За этим колком, той рекою
Отчизна предков, мне б дойти

Своей отеческой рукой
Она обнимет и простит...

Простит мне долгое отсутствье
Страна отцов, святых камней.
Ведь с ними связан беглец сутью
Своих естественных корней.

Надежда есть, а значит будет
Он жить опять, любить, творить.
И прежней жизни не забудет,
Чтобы ее благодарить.

Благодарить за те уроки,
Что преподала беглецу,
Состарила и прежде срока
Ума дала, что мудрецу

Не каждому дано в понятье,
Что жизнь в чужбине – это ад.
Что люди братья до ненастья
А как ненастье, ты уж – гад!

Надежда, Вера и Любовь
У беглеца в потенциале
И соотечественников кровь -
Совсем не так уже и мало.

К себе не требует любви
Беглец судьбы несчастный.
Он знает главное – не лги,
Не лги и будешь счастлив.

Не лги себе, не лги другим,

Люби отчизну бескорыстно,
И будешь ты тогда любим,
И жизнь наполнишь смыслом.

И помни предка своего,
Который стальным плугом
Кормил себя, кормил его,
Кто был, казалось, другом.

Предательство большой порок,
И камнем он висеть назначен
На шее тех, кто пренебрег
По правде жить, и жил иначе.

Прости, немецкий колонист,
Убогих, жалких недомыслов
Живи как дед твой и молись,
Наполнив жизнь смыслом.

Диктатор и немцы

«Выселить с треском!» - Он приказал
И в лагерь загнал, трудом наказал,
Чтобы из германцев как человеков
Сделать рабов, опозорить навеки.

Илюша-жидок дополнил его:
„Убить непременно это говно!
Ведь немец он – нелюдь, немец – он блядь,
Не надо в немце смысла искать.

Исчадие ада он – не человек
И будет он проклят жидами навек
И только мы, „богочеловеки“,

И править рабами дано нам навеки.

Памяти друга

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Но, смертью смерть поправ,
Времен меняют вздорный нрав.
****-
Наш самолет, взревев турбинами,
Взлетал в апрельский небосвод,
Сквозь тучи мрачные, унылые
Он нес наш оптимизм вперед.

Ремнями накрепко пристегнуты
Телами в кресла вдавлены,
Летим на взлетной скорости,
Где риски все оправданы.

Последний шмат сырого облака
Порвал в клочки наш самолет,
И солнце осветило облики,
И ровен, плавен стал полет.

И засияли наши лица,
Улыбки разомкнули губы.
Несет вперед стальная птица
Туда, где ждут нас, где мы любы.

Туда, к мечте святой и чистой,
В страну легенд в страну отцов,
В страну, где Девою Пречистой
Ты снилась нам среди цветов.

Сосед, что рядом, взглядом чистым,
Почтенный возраст, добрый вид,
Назвался Пауль, был речистым -
Все говорит и говорит.

Куда летим? - спросил соседа,
- Куда везем мы чад своих?
Не ждут ли там нас те же беды
И страх за близких и родных?

- Не бойся, сын, того что было
Уж не придется пережить,
Родные стены – это сила!
Обитель предков – это жизнь!

И я подумал ненароком -
Он говорит, как мой отец,
И он отмечен тем же роком,
А держится как. Молодец!

Отец мечтал в землю-обитель
Вернуться, чтобы вновь припасть
К ее истокам, как строитель
Помочь стране из пепла встать.

Не получилось, умер рано,
Оставив сыновьям завет:
Вернетесь поздно или рано -
Скажите Родине: Привет!

От нас от всех, кто не осилил
Путь долгий ко своим мечтам,
Скажите, что мы вас растили
В любви к отеческим гробам.

Вернетесь, землю обнимите,
Устами припадите к ней.
О нашей страсти расскажите,
Что нету Родины милей!

Летим вперед, ревут моторы,
На запад мы летим, нам вслед
Несется солнце, под надзором
Его лучей берем мы след.

Смотрю на Пауля, и вкрались
В души измотанный чертог
Шелк нежности, истома, сладость,
Исчезла тень былых тревог.

И я почувствовал вдруг сердецем
Тот теплый взгляд, как у отца.
И стало вновь легко быть немцем,
Благодарю за то Творца!

Сыновья преданность проснулась
Костер притухший вспыхнул вновь
И с новой силой суть вернулась,
Которую зовут - любовь!

Исход

25-летию начала исхода немцев
из России в родную обитель
посвящается…

Исход народа из страны
Для власти стал сюрпризом,

А для виновных без вины -
Трагическим круизом.

Народ, ушедший от корней,
Вдруг испытал удушье -
Вороной петь стал соловей
В друзьях взросло бездушье.

Вчерашний хлеб вдруг камнем стал,
Сердца покрылись мохом,
И дьявол из чертог восстал,
Извергнув дикий хохот.

Окрасилась в кровавый цвет
Вода Днепра и Волги,
Померк благословенный свет,
Остервенели волки.

Бежать куда глаза глядят
От ужаса и тлена?...
Но обложила народ рать
Для смерти, а не плена.

Погнали страхом на флажки,
Огнем приободряя,
На ямы с кольями, в силки,
Зверям уподобляя.

Владыки судеб, веселясь,
Загнали всех до рвоты,
А, насладившись властью всласть,
Заставили работать.

Загнав за проволку народ,

Вручив лопату, кирку,
Приказ последовал: "Вперед!
Не то возьмем за шкирку."

Конвой, ружье, собака
И окрик вертухая
Для немцев стали знаком,
Судьба у них такая...

***

Время грустно и лениво,
Протекало день за днем,
И однажды, вот так диво,
Взорвался всевластный дом.

Взорвался и только клочья
Полетели по углам,
Силы бывшей полномочья
Превратились вдруг в бедлам

Час свободы для народа
Вдруг торжественный настал,
И пришла к нему свобода,
Он из пепла вновь восстал.

Оклемался, отдышался
И, чуть дух переведя,
Он домой засобирался
Про себя одно твердя:

"На чужбине жизнь постыла,
На чужбине - не мила.
Дома наша мощь и сила,
Дома праведны дела."

Родина

С чего началась наша родина,
Когда мы вернулись к тебе?
С того, что прошла на нас мода,
Не стали мы нужны нигде.

На нас, как на грешных, смотрела ты,
Сквозь зубы цедила "люблю",
Давала приюты как милости,
Не слушая нашу мольбу.

Мольбу не о том, чтоб пригрела,
Мольбу не о том, чтоб дала
Приют для уставшего тела,
А только чтоб не умерла

Душа в нашем теле раненом,
Нашла чтоб участье любовь,
И с Родиной милой пламенно
Текла б наша общая кровь.

Любить запретить свою Родину
Не может нигде и никто,
Убить нашу душу свободную,
Превратить чтобы нас в ничто

Не смогут зловредные силы,
Которым всегда нет числа,
Поднять наши смыслы на вилы-
Ведь Родина не умерла.

И мы с нашей Родиной вместе
На подвиг, дерзанья готовы,

Готовы нести повсеместно
Германороссийкое слово.

Мы – наследники

Наследники дивных свершений,
Наследники диких лишений,
Наследники любимых отцов,
Не вошедших в разряд мертвецов,

Родивши в суровое время
Своих чад после страшной войны,
Отцы наши горькое бремя
Вместе с нами по жизни несли.

Несли ведь, на что-то надеясь
Несли, забивая нам в мозг
Не просто простые идеи,
А те, от которых бьет дрожь.

Любите семью, они говорили
И любите немецкий народ,
Лишь в нем зачерпнете вы силы
И лишь в нем свой продолжите род.

Будьте в той ипостаси нужны,
Которой Богом наделены,
В которой миру всегда важны
Как люди труда, а не войны.

Нет больше с нами отцов - ушли
Навсегда их вечность забрала.
А мы, которые с ними шли -
Мы есть продолженье начала?

Рождение предчустствия

Новому поколению
германороссов посвящается

Эпоха требует - надо,
Что б ты появился на свет.
Это не бред не бравада -
Так было, так будет, так есть.

Не станешь ты Македонским,
Не станешь Наполеоном,
Но станешь именем громким -
Любви и совести клоном.

Ноша возложена будет
На плечи тяжелым грузом,
И сила в тебе прибудет,
Правда твоей станет музой.

Это благое величье -
Награда твоя в терзанье.
В твоем сермяжном обличье
Воспрянет народа сиянье

Того, что повенчан с тобою
Рожденьем, дивною страстью,
Что связан с тобою судьбою,
Ставшей дорогою к счастью.

Терпи, милый друг, отныне
Навсегда и вовеки веков
Твой путь сокровенный длинный
Не будет знать плена оков.

И помнить ты будешь нежно
Ту заповедь наших отцов
О том, что б народу верно
Служить до глубин, до основ.

И юдоль каждого сына
Героем пред матерью стать,
Сын для которой - вершина,
Основа которой есть мать!

Страстная непогрешимость
Величье, мудрость и сила
Духовная совместимость -
В них жизни нашей мерила.

Народ, что вынес ненастье
И горя хлебнул через край,
Имеет право на счастье,
Об этом, сын, не забывай…

Служение народу - дело благородное

Служение народу - дело благородное,
Не каждому такое по плечу.
Служение народу - дело добровольное
Оно сродни служению Творцу.

Подвижники по сути - бескорыстные,
Несут в народ Любовь и Благодать,
Подвижники в служение неистовы,
Не требуют ни славы, ни наград.

Их бескорыстный труд на благо ближнего

Привносит цель в природу бытия,
И помогает в пониманье высшего,
Божественного смысла жития.

И что за сила движет этими людьми,
Какой огонь в груди у них горит?
Они как светоч против силы тьмы
Творят душой! Так совесть им велит.

Служить по принципу: "Чего изволите?"
Конечно же и проще, и сытней,
Но, что в конце, когда вы подитожете
Свой жизни путь без смысла и страстей?

Две родины

Нельзя познать нам сокровенное,
В обидах собственных копаясь.
Нельзя постичь нам откровенное,
В грехах накопленных не каясь.
***
Судьбою было нам дано
Две родины познать, два мира.
В одной родились мы давно,
В другой явились миру.

Одна дала нам кровь и веру
Другая почву, соль и хлеб.
Познали мы Творенья меру,
И душащий нас Смерти склеп.

Мы не роптали, не стенали,
Когда игрушкой для Судьбы
На сломе вех однажды стали,

Мы не оставили борьбы.

Борьбы за право на творенье,
За счастье для своих детей
И в этом сладостном боренье
Заслоном стали для смертей,

Когда в бессильном исступленье
Обрушилась всей силой власть
На наше дивное стремленье
К ногам ее успехи класть.

Да, мы устали от терпенья,
От лживых сладостных речей
И пышного велереченья.
Где жизни нет, там нет страстей.

И мы ушли, и мы ж вернулись
В обитель прежнюю свою.
Страницу мы перевернули,
Попали в новую струю,

В поток того же лицемерья,
В поток бесчестия и лжи,
Где честным нет уже доверья,
Достоин славы тот, кто ржи

Подвержен, кто свое ржавенье
Считает высшей благодатью,
Кто презирает к счастью рвенье,
Кто был и остается татью

Пока за горизонтом Солнце.
В ночи, когда лишь бесы воют,

Когда кричат они всех громче,
Надеясь, что во мраке скроют

Наимерзейшее паскудство.
Не верим мы, что нам конец,
Не верим мы, что словоблудство
Есть демократии венец.

И где защита от коварства,
Где Ариадны нить найти,
Которая из злобы царства
Нашла б короткие пути?
***
Мы верим в большее, чем похоть,
Германороссом надо быть,
Чтобы стремиться, когда плохо,
Две наши родины любить.

Германороссы - предвестники рождения новой мечты

Время, однако, пришло
Мысли в кристалл превращать.
Время, конечно, пришло
Смыслами нам обрастать.

Миссия выпала вдруг
Стать мостом меж мирами,
Чтоб разорвать этот круг,
Делающий рабами

Целые континенты,

Лишая народы прав,
И жизнь дает нам моменты,
Чтоб волею смерть поправ,

Вырваться из удушья,
И из смертельных оков,
Сделать чтоб жизнь лучше -
Надежду прежних веков…

Великой волей судьбы
Мы - диаспора немцев -
Стали острием борьбы,
Русско-немецким сердцем.

В сердце горячем нашем
Горячая кровь кипит.
Красным цветом окрашен
Путь наш, который велит

Славу германороссов
Беречь и приумножать,
Славу руссов и пруссов
Любовью соединять.

В нашем единстве сила,
В нашем единстве твердь,
И нашим врагам – могила!
И нашим врагам - смерть!

Мракобесие - наш враг
Пытающееся сломать,
Вошедши в безумный раж,
Слово святое Мать.

Падучей поражены
Мира сего сильные,
А на поверку они -
Суть пузыри мыльные.

Что значит Родина-Мать,
Им не понять никогда,
Но у нас ее не отнять,
В сердце она навсегда.

Преданность - наша сила,
Дом отчий - наша любовь!
Как бы судьба не рядила
Наше Отечество – кров!

Даже на пепелище
Дом мы построим новый,
Будет это жилище
Яркой звездой сверхновой.

Две родины любить.

Нельзя познать нам сокровенное,
В обидах собственных копаясь.
Нельзя постичь нам откровенное,
В грехах накопленных не каясь.
***
Судьбою было нам дано
Две родины познать, два мира.
В одной родились мы давно,
В другой явились миру.

Одна дала нам кровь и веру
Другая почву, соль и хлеб.

Познали мы Творенья меру,
И душащий нас Смерти склеп.

Мы не роптали, не стенали,
Когда игрушкой для Судьбы
На сломе вех однажды стали,
Мы не оставили борьбы.

Борьбы за право на творенье,
За счастье для своих детей
И в этом сладостном боренье
Заслоном стали для смертей,

Когда в бессильном исступленье
Обрушилась всей силой власть
На наше дивное стремленье
К ногам ее успехи класть.

Да, мы устали от терпенья,
От лживых сладостных речей
И пышного велереченья.
Где жизни нет, там нет страстей.

И мы ушли, и мы ж вернулись
В обитель прежнюю свою.
Страницу мы перевернули,
Попали в новую струю,

В поток того же лицемерья,
В поток бесчестия и лжи,
Где честным нет уже доверья,
Достоин славы тот, кто ржи

Подвержен, кто свое ржавенье

Считает высшей благодатью,
Кто презирает к счастью рвенье,
Кто был и остается татью

Пока за горизонтом Солнце.
В ночи, когда лишь бесы воют,
Когда кричат они всех громче,
Надеясь, что во мраке скроют

Наимерзейшее паскудство.
Не верим мы, что нам конец,
Не верим мы, что словоблудство
Есть демократии венец.

И где защита от коварства,
Где Ариадны нить найти,
Которая из злобы царства
Нашла б короткие пути?
***
Мы верим в большее, чем похоть,
Германоросом надо быть,
Чтобы стремиться, когда плохо,
Две наши родины любить.